

УДК 821.161.1+821.0
DOI 10.17223/18137083/65/6

Т. И. Печерская

Новосибирский государственный педагогический университет

К вопросу о нарративном эффекте достоверности мемуаров

Рассматривается проблема исследования мемуарного текста в нарративном аспекте. Предметом анализа являются способы создания иллюзии достоверности, базирующиеся на личных свидетельствах. Объект анализа – фрагмент воспоминаний Е. Н. Водовозовой «На заре жизни» (1911), глава «Среди петербургской молодежи шестидесятых годов». Основная задача исследования – выявить способы создания эффекта достоверности, проанализировать дополнительные источники, которыми могла пользоваться мемуаристка, определить их функцию в структурном и семантическом планах. Выдвинута гипотеза, что при написании главы Е. Н. Водовозова использовала статьи критиков ведущих журналов шестидесятых годов – «Асмодей нашего времени» М. А. Антоновича, «Базаров», «Нерешенный вопрос» / «Реалист» Д. И. Писарева. Тексты этих статей послужили материалом для имитации спора о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети».

Ключевые слова: мемуаристика, документальность, нарратив, литературная критика, нигилизм, Е. Водовозова, М. Антонович, Д. Писарев.

Проблема источников, которыми пользуется мемуарист, их использования в процессе создания текста относится к общей теме, связанной с исследованием мемуарного текста как нарратива, направленного на создание иллюзии достоверности изложенного, в том числе за счет видимой опоры на личные свидетельства. Объектом наблюдения стал небольшой фрагмент обширных воспоминаний Е. Н. Водовозовой «На заре жизни» [Водовозова, 1987], глава «Среди петербургской молодежи шестидесятых годов», на материале которой попробуем раскрыть «технику» письма, позволяющая автору достичь этого эффекта.

В нашем случае речь пойдет о тексте, обладающим явными признаками беллетризации, выраженными не только в стиливых особенностях, но и в его структуре, включающей разнообразные сюжетные построения, диалоги, описания, образные характеристики персонажей повествования. В читательском восприятии современников мемуары Водовозовой были близки к «занимательному роману»

Печерская Татьяна Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия; ptatiana9@gmail.com)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2018. № 4
© Т. И. Печерская, 2018

по степени их увлекательности¹. Отметим, что в подобных характеристиках подразумевалась манера изложения событий жизни, частной и общественной, но никак не подвергалась сомнению достоверность изложенного. Э. С. Виленская, историк и комментатор мемуаров, отражает мнение не только современников, но и исследователей, когда отмечает, что они представляют ценность документального источника [Водовозова, 1987, т. 1, с. 24].

Как и большинство мемуаров о шестидесятих годах, воспоминания Водовозовой написаны значительно позже – в начале XX в. Цикл воспоминаний «Среди петербургской молодежи шестидесятих годов (из личных переживаний)» впервые был опубликован в 1911 г. и в качестве главы вошел в книгу «На заре жизни», вышедшую тогда же. К этому времени Водовозова уже была опытным литератором-публицистом, педагогом, чьи работы о воспитании детей получили общественное признание, наконец, детской писательницей, ставившей своей задачей развитие познавательных интересов детей. Она была известна и как общественная деятельница, сохранившая (не без изменений) верность демократическим идеалам юности. Литературная опытность Водовозовой, в частности, проявляется в том, что в книге воспоминаний она использует метаописание своего текста. Его цель состоит в снятии каких-либо ожиданий читателя относительно полноты/неполноты изложения событий столь знаменательного и известного периода общественной жизни. Еще важнее – декларация особого способа выбора событий – описывается не столько то, что вообще помнится и является общезначимым, сколько то, что было эмоционально лично пережито ею как участницей событий. Такой подход мемуаристов широко известен и даже типичен, казалось бы, он не требует специальных оговорок, однако для Водовозовой такого рода самоописание текста составляет особо значимый элемент повествования. Подзаголовок «из личных переживаний», позже убранный в книге, точно отражает авторское намерение. Словом, в терминах, уточняющих специфику текстов с центростремительной моделью авторского самопредъявления, воспоминания Водовозовой могут быть названы, по определению Жака Прессера², получившему широкое распространение, эгодокументом. Термин не вполне литературоведческий, по сути дополнительный, однако он ясно отражает особенность текстов, где автор является и тем, кто пишет, и тем, кто находится в тексте.

Обратимся теперь к интересующему нас фрагменту главы, в котором рассказывается о «вечеринке», как тогда называлось собрание молодежи в доме одного из ее участников. На вечеринках (другое название «фиксы»³) знакомились, общались, слушали лекции, вели споры по всевозможным вопросам современной жизни, обсуждали новые идеи, главным образом почерпнутые из журналов – «Современника», «Колокола», позже «Русского слова», наиболее популярных в среде демократической молодежи. Но не только эти серьезные занятия составляли времяпровождение. На вечеринках танцевали, веселились, пели, декламировали.

Остановимся на эпизоде, в котором описывается бурное обсуждение романа Тургенева «Отцы и дети». Как известно, роман не был принят демократической критикой и читателями ее круга, которые усмотрели в нем пасквиль на молодое поколение. Участники вечеринки и есть те самые читатели-«дети»:

¹ См. подробнее о рецепции мемуаров в комментариях Э. С. Виленской [Водовозова, 1987, т. 1, с. 11–24].

² *Presser J. Memoires als geschiedborn // Winkler Prins Encyclopede. Vol. 8. Amsterdam, 1958. Цит. по: Зарецкий Ю. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков // Центр визуальной антропологии и эгоистории. URL: http://visantrop.rsu.ru/article.html?id=1167089#_ftn14 (дата обращения 25.08.2018).*

³ Сокращенное от «журфикс» (*фр. jour fixe*) – вечер для приема гостей в установленный день.

Довольны ли вы, господа нигилисты, вашей новой кличкой, которую вам дал самозванный ваш крестный папаша Тургенев, и вашим представителем Евгением Васильевичем Базаровым? [Водовозова, 1987, т. 2, с. 109].

Обсуждение выстроено как спонтанный набор реплик, чаще без обозначения говорящих, что отражает горячность разговора целой компании, в котором все наперебой хотят вставить свое слово. Вот как выглядят основные оценки и претензии говорящих:

- Весь роман – сплошная гнусная карикатура на молодое поколение!
- Это презренный пасквиль!
- Он (Тургенев) не имеет ни малейшего понятия о молодом поколении!
- Еще бы: сидит за границей, услаждается пением своей Виардо и перестал понимать, что делается в России!
- Эстетики в конце концов всегда превращаются в обскурантов, клеветников, гасителей просвещения, гонителей всего честного, порядочного и молодого!
- Они ненавидят молодое поколение за то, что оно требует не только слов, но и дел.
- Трудно сочинить большую клевету: Базаров, этот представитель молодого поколения, обжора, пьяница, картежник, который еще бахвалится своею пошлостью и даже в ней пасует!
- Он представлен пошлым самцом, который не может оставить в покое ни одной смазливой женщины!
- Кто из нас опивается шампанским, кто посещает дома, где идет картеж?
- Да... да, кто нам дает шампанское? Сестры, что ли?
- Мы даже решили, чтобы на наших собраниях никогда не было ни карточной игры, ни спиртных угощений!
- А дуэль? Кто из нас оскандалит себя ею? – Дуэль – старый пережиток, и никто еще дуэлью не доказывал своей правоты!
- Княжна Липа долго силилась перекричать других; наконец это ей удалось.
- В несравненно более гнусном виде, чем мужчина, выставлена современная женщина в этом клеветническом романе! Встречали ли вы, господа, женщину, хотя сколько-нибудь напоминающую тупую, развратную, пьяную от шампанского Кукшину, которая, чтобы похвастать своею ученостью и прогрессивными взглядами, разбрасывает по столам своей квартиры неразрезанные журналы и окурки папирос? Господин Тургенев желает показать этим, что женщина недостойна свободы, не должна заниматься науками, иначе из нее выйдет карикатура на человека!.. Я предлагаю вам, господа, написать протест против романа «Отцы и дети», выразить в нем презрение и негодование к подобным пасквилянтам, покрыть это заявление массой подписей и отправить в Париж господину Тургеневу. <...>
- Базаров с презрением относится к Кукшиной только потому, что она не понравилась ему своею внешностью: он может любоваться богатым телом женщины, а других отношений к ней он иметь не желает!.. [Водовозова, 1987, т. 2, с. 110]

С одной стороны, этот разговор разгневанных читателей не вызывает сомнений в подлинности, даже условной, – претензии и суждения можно было бы назвать «типологически» верными, отражающими атмосферу споров вокруг романа. Однако, присмотревшись, мы начинаем чувствовать, что все это нам что-то напоминает. Что же? А именно нашу мемуарную статью М. А. Антоновича «Асмодей нашего времени», опубликованную в мартовском номере «Совре-

менника» в 1962 г. По сути это было первое самое резкое публичное суждение о романе и его авторе. «Карикатурность», «утрировка», «пародия», издевательство над молодым поколением, желание унижить и оскорбить через героев все новое и прогрессивное – вот обвинения, брошенные романисту:

...г-н Тургенев, главный представитель и служитель чистого искусства для искусства, творец «Записок охотника» и «Первой любви», оставил свою службу искусству и стал поработать его разным теоретическим соображениям и практическим целям и написал роман с тенденциями – обстоятельство очень характеристическое и замечательное! [Антонович, 1862, с. 73]

Вот некоторые специфические «параллельные места» статьи: интерпретируя роман, Антонович намеренно укрупняет те черты и привычки Базарова (и, соответственно, эпизоды), которые в романе никак не являются «ядерными» в облике героя, и которые вряд ли врезаются в память читателю: игра в карты, пьянство (юноша, «любящий кутеж и крепкие напитки»), обжорство, чувственное, почти животное сладострастие. Эта «утрировка» изображения Базарова в статье критика сразу бросалась в глаза, и переакцентировка свойств отразилась на читательской и публицистической интерпретации романа в последующей полемике. Приведем отдельные фрагменты:

Главный герой романа с гордостью и заносчивостью говорит о своем искусстве в картежной игре; а г. Тургенев заставляет его постоянно проигрывать... <...> Героя пригласили сразиться в преферанс; он согласился, остроумно намекнув, что обыграет всех. «А между тем, – замечает г. Тургенев, – герой все ремизился да ремизился. Одна особа мастерски играла в карты; другая тоже могла постоять за себя. Герой остался в проигрыше, хотя незначительном, но все-таки не совсем приятном». «Отец Алексей, говорили герою, и в карточки не прочь поиграть. Что ж, отвечал он, засядем в ералаш, и я его обыграю. Отец Алексей сел за зеленый стол с умеренным изъятием удовольствия и кончил тем, что обыграл героя на 2 руб. 50 коп. ассигнациями». – А что? обыграл? не стыдно, не стыдно, а еще хвастался! – говорят обыкновенно в таких случаях школьники своим товарищам, похрамленным хвастунам [Там же, с. 68].

Потом г. Тургенев старается выставить главного героя обжорой, который только и думает о том, как бы поесть и попить, и это опять делается не с добродушием и комизмом, а все с той же мстительностью и желанием унижить героя даже рассказ об обжорстве. <...> При всех сценах и случаях еды г. Тургенев как бы не нарочно замечает, что герой «говорил мало, а ел много»; приглашают ли его куда-нибудь, он прежде всего справляется, будет ли ему шампанское, и уж если доберется до него, то теряет даже свою страсть к словоохотливости, «изредка скажет слово, а все больше занимается шампанским» [Там же, с. 69].

...Герой, который, лежа на смертном одре, призывает свою возлюбленную для того, чтобы видом ее прелестей в последний раз пощекотать свою потухающую страсть [Там же, с. 73].

Наконец, как видно из романа, молодое поколение не может любить женщину или любит ее глупо, безумно. Прежде всего оно смотрит на тело женщины; если тело хорошо, если оно «эдакое богатое», тогда женщина нравится молодым людям. А коль скоро женщина понравилась им, они «стараятся только добиться толку», и больше ничего. <...> Если, по требо-

ванию животного чувства, он и полюбит женщину, то полюбит одно только тело ее... [Там же, с. 98]

Особенно задевает Антоновича отношение Тургенева к Кукшиной, а в ее лице – ко всем прогрессивным женщинам:

А действительно есть и такие эмансипированные женщины, как Eudoxie Кукшина... Но и при этом нам кажется несправедливостью выставлять ее как образчик современной эмансипированной женщины с прогрессивными стремлениями. Г-н Тургенев, к сожалению, наблюдает отечество из прекрасного далека; вблизи он бы увидал женщин, которых с большей справедливостью можно было бы изобразить вместо Кукшиной как экземпляры современных дочерей [[Антонович, 1862, с. 84].

Раздражение против эстетских вкусов Тургенева относительно женщин выражается в прямом оскорбительном намеке на Виардо:

Кукшина действительно смешна; за границей она яхшается с студентами; но все же это лучше, чем показывать себя на Брюлевской террасе между двумя и четырьмя часами, и гораздо простительнее, чем почтенному престарелому человеку яхшаться с парижскими танцовщицами и певицами [Там же, с. 86].

Можно предположить, что при написании текста спустя полвека Водовозова использовала в качестве «памятки» статью Антоновича, «расписав» на реплики ее основные положения. Интересно и то, как в дальнейшем построении разговора мемуаристка произвела своего рода временную компрессию, включив в него аргументы единственного защитника романа, некоего Ваховского. В отличие от предыдущего фрагмента обсуждения романа, состоящего из разрозненных реплик, защитнику отдан довольно большой монолог. Настаивая на том, что Базаров является «истинным представителем молодого поколения», Ваховский практически буквально воспроизводит суждения Писарева, чья статья «Базаров», появившаяся в «Русском слове» в следующем месяце после статьи Антоновича, положила начало длительной полемике между ними, вышедшей далеко за рамки обсуждения романа и его главного героя⁴. То обстоятельство, что только один из участников спора решительно противостоит большинству, вполне отражает расклад мнений и в среде молодежи, и в журнальной среде. Однако в «защитном» монологе Водовозова соединяет сразу две концепции Писарева, изложенные им в статьях, относящихся к разному времени. Оценивая героя Тургенева в статусе героя времени, в «Базарове» Писарев еще констатировал различные противоречия в его словах и даже убеждениях, а вот в статье 1864 г. «Нерешенный вопрос», известной под названием «Реалисты», целиком посвященной полемике с Антоновичем, он действительно создал безусловную апологию Базарова, что концентрированно и прямолинейно, в стиле Писарева, отражено в словах Ваховского:

⁴ После публикации первой части «Нерешенного вопроса» (Русское слово, 1864, № 9) была напечатана заметка Антоновича «Вопрос, обращенный к “Русскому слову”» (Современник, 1864, № 10), затем появилась его же статья «“Русскому слову”». Предварительные объяснения» (Там же, № 11), затем еще одна заметка – «Русскому слову» (Там же, 1865, № 1). Антонович неоднократно возвращается к суждениям Писарева о Базарове и романе: «Промахи» (Там же, № 4), «Лжереалисты» (Там же, № 7). Косвенно он высказывается на ту же тему в обзорах «Наша общественная жизнь» (Там же, 1863, № 1–5, 9; 1864, № 1–3), «Литературные мелочи» (Там же, 1864, № 5–7, 9–10, 12), «Внутреннее обозрение» (Там же, № 4). Писарев также не раз возвращался к полемике с Антоновичем: статьи «Посмотрим!» (Русское слово, 1865, № 2), «Прогулки по садам российской словесности» (Там же, № 3) «Промахи» (Там же, № 2, 4).

Как же можно говорить, что в лице Базарова Тургенев осмелел молодое поколение, когда, наоборот, он показал в нем редкие достоинства? В нем сгруппированы наиболее характерные стремления, симпатии и антипатии молодого поколения: он серьезно изучает медицину и естественные науки, ботанизирует, режет лягушек, работает с микроскопом, не признает авторитетов, издевается, иногда даже невпопад, над проявлениями романтизма, отрицает искусство и поэзию, находит, что химик в двадцать раз полезнее всякого поэта, что Рафаэль гроша медного не стоит, признает только то, что полезно, чрезвычайно скептически относится к старому поколению. Базаров, можно сказать, фотографически верно списан с молодого поколения... [Водовозова, 1987, т. 2, с. 115]

Такая временная компрессия позволяет Водовозовой, берущей только самые яркие и крайние позиции, не входить в детали динамики восприятия Базарова в первой половине шестидесятых годов, в тонкости изменения его репутации в среде молодежи, напрямую сформированной битвой журнальных корифеев из самых авторитетных изданий. Во всяком случае, о таком подходе свидетельствует построение текста. При этом можно с равной степенью вероятности допустить и то, что спустя столь долгое время Водовозова либо не помнила детали подвижной картины, либо не считала их сколько-нибудь существенными, и в этом смысле с точки зрения временной перспективы создания мемуарного текста была совершенно права. Очевидным остается тот факт, что литературная критика шестидесятых годов, так сильно занимавшая умы современников, оказалась максимально подходящим источником, способным передать живость и горячность споров о литературном герое. Надо признать, что таких споров у читателей и критики больше никогда не вызвало ни одно произведение. И в этом смысле для Водовозовой «лично пережитое» вполне органично коррелировало с выбранными источниками, не вступая в противоречие с достоверностью.

Список литературы

Антонович М. Асмодей нашего времени // Современник. 1862. № 3.

Водовозова Е. Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты: В 2 т. / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. Э. С. Виленской. М.: Худож. Лит., 1987. Т. 1. 511 с.; Т. 2. 527 с. (Литературные мемуары).

T. I. Pecherskaya

*Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation
ptatiana9@gmail.com*

On the narrative effect of the authenticity of memoirs of Elizaveta Vodovozova

The paper is devoted to studying the memoir text in a narrative aspect. The ways of creating an illusion of authenticity, which are based on personal testimonies, are analyzed. The object of the analysis is a fragment of the memoirs of E. N. Vodovozova «At the dawn of life» (Na zare zhizni) written at the beginning of the 20th century, the chapter «Among the Petersburg youth of the sixties». The memoirs are generally considered as a fictionalized text, on the one hand having the status of an «entertaining novel» in the reader's perception, and on the other hand, being a documentary source. The author's meta-description of the text, reflected in the subtitle «from personal experiences», allows us to view memories as an «ego-text» (Jacques Presser), that is, the text where the author is both the one who writes and the one who acts in the text. Thus, the narrative component of the text plays the first role. The study aims at identifying the ways of creating

the «effect of reality», analyzing additional sources that the memoirist could use, and determining their function in the structural and semantic plans. A hypothesis suggests that when writing this chapter, Vodovozova could have used the articles of two critics of the leading journals of the sixties («Sovremennik» and «Russkoe slovo») – M. A. Antonovich's article «The Asmodeus of our time» (1862) and the articles of D. I. Pisarev «Bazarov», «Unresolved issue» / «Realists» (1862, 1864). The texts of these articles served for describing the dispute over Ivan Turgenev's novel «Fathers and sons» (1862), in which young people of the democratic circle, ardently expressed their disagreement with the depiction of the nihilist Bazarov as a representative of the whole generation. The paper shows the «parallel places» of the dispute and fragments of articles. A conclusion is made that it is legitimate to consider the text of the articles as a means of creating a method for simulating a live conversation of participants. It is noted that Pisarev used the kind of temporary compression formed by combining different concepts of Bazarov in articles, published at different times. All this suggests that the strategy for constructing the text, in this case, was focused on the reproduction of only the most vivid and radical positions. However, it did not reflect in general the dynamics of perception of Bazarov in the first half of the sixties but revealed the mechanism for the formation of public opinion directly formed by the battle of the journal leaders of the most authoritative journals. The results of observations allow us to consider the «ego-text» as a compilation of materials of different degrees of likelihood.

Keywords: memoir literature, documentary character, narrative, literary criticism, nihilism, E. Vodovozova, M. Antonovich, D. Pisarev.

DOI 10.17223/18137083/65/6

References

- Antonovich M. Asmodey nashego vremeni [Asmodey of our time]. *Sovremennik*. 1862, no. 3.
Vodovozova E. N. *Na zare zhizni. Memuarnye ocherki i portrety: V 2 t.* [At the dawn of life. Memoir essays and portraits: in 2 vols]. Intr. art., prep. of the text and comm. by E. S. Vilenskaya. Moscow, Khudozh. Lit., 1987, vol. 1, 511 p., vol. 2, 527 p. (Literaturnye memuary [Literary memoirs]).